

Социальная философия и ее дисциплинарный статус в современной гуманитарной науке

Адуло Т.И.

*Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск*

Нынешний мир далек от стабильности, хотя еще на рубеже XX–XXI вв. ООН был разработан масштабный проект устойчивого развития и предпринят целый ряд конкретных мер по его практической реализации.

Цель статьи — на основе осмысления мировой и национальной практики показать возросшую значимость философской базы прогнозирования социальной динамики и способов адекватных ответов на вызовы современности.

***Материал и методы.** Научная работа базируется на результатах авторского многолетнего исследования динамики общественных процессов конца XX — начала XXI в. и ее рефлексии в разработках социальных философов. В качестве основных использованы исторический, логический и диалектический методы, а также метод сравнительного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Научная новизна данной публикации определяется тем, что она нацеливает философов на познание не внешних, вербально воспринимаемых социальных явлений и процессов, а внутренних, скрытых от внешнего наблюдения механизмов общественного развития, постигаемых посредством абстрактного мышления. Это поможет понять природу и сущность современных социальных кризисов, рисков и угроз, даст возможность выработать конкретные предложения по их предотвращению. Установлено, что цивилизационная парадигма, принятая многими постсоветскими философами за основу трактовки исторического процесса, не позволила адекватно воспроизвести в теоретической форме его объективную диалектику, а следовательно, спрогнозировать динамику социума на ближайшую перспективу. Отмечено явное расхождение взятой на вооружение россиянами философской цивилизационной концепции и самой социальной практики, идущей в русле формационного учения — встраивания России в глобальную систему капитализма на условиях его ядра. Показано, что не богдановская тектология и не синергетика, а диалектика позволяет постичь социальность в ее онтологической природе и антропологической сущности, исторической динамике и современной модификации как базе потенциальных вызовов XXI века.*

***Заключение.** Результаты исследования обосновали необходимость более фундаментальной разработки философской базы теоретического осмысления и прогнозирования динамики общественных процессов. Эту задачу в состоянии решить социальная философия, но ее саму следует переформатировать в плане переориентации ее проблематики с микро- на макропроцессы социума.*

***Ключевые слова:** общество, социальность, социальная динамика, формационное учение, цивилизационная концепция истории, глобальный капитализм, социальная философия, философия истории, диалектика.*

(Ученые записки. — 2020. — Том 31. — С. 97–105)

Social Philosophy and its Disciplinary Status in the Contemporary Humanities

Adoulo T.I.

*State Scientific Institution (SSI) “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk*

The contemporary world is far from stability, though already at the turn of the XX–XXI centuries the UN elaborated an extensive plan for sustainable development and took a range of measures to practically fulfill it.

The goal of the article is to demonstrate the increasing importance of the philosophical background in prognosticating social dynamics and ways of adequate answering to contemporary challenges by means of the reflection on world and national practice.

***Material and methods.** The scientific article is based on the results of the author’s long-term research of the dynamics of societal processes at the turn of the XX–XXI centuries and his enquiry into the reflection of social philosophers on this issue. In the range of key methods employed by the author the historical, logical and dialectical methods, as well as the method of comparative analysis may be outlined.*

***Findings and their discussion.** The scientific relevance of the article is determined by the research intention to motivate*

Адрес для корреспонденции: e-mail: tadoul@mail.ru — Т.И. Адуло

philosophers to comprehend not outward, verbally perceivable social phenomena and processes, but rather inward mechanisms of societal development, hidden from outward observation, which are cognized by abstract thinking. This intention contributes to the understanding of the nature and the essence of contemporary social crises, risks and threats; gives a possibility to elaborate concrete suggestions on their prevention. The article demonstrates that the civilization paradigm, which has been accepted by many post-Soviet philosophers as a foundation for the interpretation of the historical process, has not allowed us to adequately reproduce its objective dialectics in a theoretical form. Consequently, it has not allowed us to prognosticate the dynamics of society even for a short-long period. The author reveals the divergence between the Russian philosophical civilization conception and the very social practice, which follows the doctrine of formations, i.e. the engagement of Russia into the global system of capitalism with its only possible position of a kernel. As has been demonstrated, that neither Bogdanov's tektology nor synergetics, but rather dialectics may allow us to comprehend sociality in its ontological nature and anthropological essence, its historical dynamics and contemporary modifications as a background of potential challenges of the 21st century.

Conclusion. *The research findings have justified the necessity of a more fundamentally grounded elaboration of philosophical background of theoretical comprehension and prognostication of the dynamics of societal processes. The task may be solved by social philosophy in case its problematic matter is reoriented from micro- toward macro-processes of society.*

Key words: *society, sociality, social dynamics, the doctrine of formations, the civilization conception of history, global capitalism, social philosophy, philosophy of history, dialectics.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 97–105)

Начиная с античности, человеческая история привлекала повышенное внимание исследователей. Философское ее осмысление помогало уяснить внутренние источники и тенденции общественного развития, оценить прошлое, понять настоящее и предвосхитить будущее социума. Вот и в начале XXI века интерес к ней стал более пристальным, что связано с особенностями нашей исторической эпохи. С одной стороны, современные общественные процессы особенно масштабны и судьбоносны для всех субъектов исторического процесса, с другой – предельно динамичны, и по этой причине не всегда предсказуемы. В особенности это касается огромного постсоветского пространства: ни один из социальных прогнозов, разработанных отечественными и зарубежными исследователями и политиками, а подавляющее большинство из них были оптимистичными, к сожалению, так и не подтвердился. Социальная практика решительно разошлась с прогнозами обществоведов.

В чем причины столь нерезультативной практической деятельности специалистов в области прогнозирования? Думается, их целый комплекс – они связаны и с объектом прогнозирования – обществом, и субъектами прогнозирования – конкретными исследователями, и философско-теоретической базой социального прогнозирования.

В первую очередь, отметим сложность самого объекта познания – общества. На эту его особенность указывали Г. Гегель, К. Маркс, Э. Дюркгейм, П.Л. Лавров, П. Сорокин и многие другие мыслители, которые своей теоретической деятельностью самым непосредственным образом были сориентированы на исследование социума.

И хотя уровень теоретического осмысления общества и социального прогнозирования в целом на рубеже XX–XXI вв. оказались неудовлетворительными, тем не менее задача познания человеческой истории

не снимается, наоборот, она становится еще более актуальной и в теоретическом, и практическом смыслах. Кто этим должен заниматься? Безусловно, обществоведы – в первую очередь философы, экономисты, социологи, политологи, правоведа и др.

Одним из новых вызовов для Беларуси является гуманитарная безопасность общества. Всестороннее теоретическое осмысление этой проблемы, несомненно, следует отнести к приоритетным направлениям национальной социально-гуманитарной науки.

Гуманитарную безопасность не следует понимать в узком смысле этого слова – лишь как защиту гуманитарной сферы или гуманитарного среза системы общественных отношений. Речь в данном случае идет о сохранении и приумножении фундаментальных, базисных основ общества, начиная с его экономического сектора и заканчивая сферой идеологии и культуры. Безусловно, конкретные специалисты, каждый в своем сегменте социального бытия способны решать возникшую специфическую задачу с целью недопущения социальной угрозы, но только в собственном сегменте. А речь идет о том, чтобы предотвратить потенциальные угрозы применительно ко всей социальной системе – всей совокупности общественных отношений. Частичное их решение не устраняет потенциальных угроз. Необходимо разрабатывать систему превентивных мер применительно ко всему обществу. А для этого надо иметь целостную картину сегодняшних общественных процессов, т.е. мирового социума. Такую картину в состоянии дать лишь социальная философия, понимаемая как философия истории. Однако в отечественной (и в мировой) философии в последние годы недостаточно внимания уделяется системному осмыслению современного общества, в результате чего политики не всегда получают адекватную картину социума, и вследствие этого не в состоянии принимать выверенные решения. Активно возникающие в XXI веке социальные кризисы, в том числе только что разразившийся «не-

---

фтяной», служат тому подтверждением. Все это говорит о том, что требуется более активная, более системная работа в области познания сущности современных общественных процессов.

В данном случае рассмотрим специфику исследования человеческой истории философами, поскольку в номенклатуре специальностей этих наук, определенных ВАК Республики Беларусь, имеется та конкретная специальность, в рамках которой, согласно паспорту, и должно вестись ее исследование. Эта специальность – «Социальная философия». Обратимся к истории создания данной философской дисциплины.

Цель статьи – на основе осмысления мировой и национальной практики показать возросшую значимость философской базы прогнозирования социальной динамики и способов адекватных ответов на вызовы современности.

Материал и методы. Научная работа базируется на результатах авторского многолетнего исследования динамики общественных процессов конца XX – начала XXI в. и ее рефлексии в разработках социальных философов, экономистов и политологов. Так называемые «переходные эпохи», а к ним, несомненно, следует отнести и 1990-е годы, в научном плане интересны тем, что раскрывают обычно спрятанные для внешнего взора глубинные пласты социальности, ее внутренние противоречия, являющиеся источником социальной активности огромных масс людей и их политических лидеров, способных повести за собой эти массы то ли вперед, то ли вспять. В 2004–2006 гг. под руководством автора был выполнен проект БРФФИ – РГНФ «Проблемы социальной консолидации общества в процессе глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Беларуси)», в рамках которого проведено конкретное социологическое исследование – опрошено по республиканской выборке 1162 респондента. Полученные результаты позволили более детально осмыслить социально-политическую ситуацию в Беларуси и России, выявить социальные противоречия, представляющие собой онтологические основания различных отчужденных форм бытия человека, спрогнозировать тенденцию их развития, разработать конкретные предложения, направленные на недопущение в обществе социальных коллизий и взрывов. Статья выстроена в русле основных идей не опубликованного в печати доклада «Социальная философия как предельно общая теория исторического процесса», с которым автор выступил на пленарной сессии Четвертой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания», прошедшей в Минске 14–15 ноября 2019 года. В качестве основных использованы исторический, логический и диалектический методы, а также метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Ровно 30 лет назад в Москве было положено начало реализации проекта постсоветской философии, в результате чего и была создана новая дисциплина под названием «Социаль-

ная философия». Отметим сразу, что процесс реформирования (а точнее – ликвидации) советской философии, в результате чего появилась новая философская дисциплина об обществе, имел идеологическую и политическую подоплеку. Важная информация о том, кем, как и с какой целью создавалась дисциплина «Социальная философия», содержится в опубликованном пространном интервью академика РАН В.С. Степина [1] – одного из непосредственных участников «перестройки» идеологической сферы, осуществлявшейся под руководством А.Н. Яковлева.

В первую очередь обратим внимание на то, что, с точки зрения диалектики, «перестройка» 1990-х годов вовсе не трансформация (этой ошибочной, на наш взгляд, точки зрения придерживаются большинство философов и политологов), а социальная революция. В результате т.н. перестроечных процессов ликвидированы прежняя экономическая база и ее надстройка, т.е. политическая система. В России этот революционный процесс совершен в два этапа: в 1990–1991 гг. заложены основы новой общественной системы, но при этом еще сохранялась часть политической надстройки в виде Верховного Совета РФ и других учреждений, в 1993 году полностью ликвидирована прежняя политическая надстройка. В Беларуси схожего типа социальная революция растянулась на более длительный срок. Она еще не завершилась – фактически продолжается и в наши дни, подтверждением чему служат то возрастающие, то утихающие дискуссии политических акторов: одни из них пытаются отстоять устои прежнего, социалистического уклада, другие, наоборот, стремятся ускорить рыночный, т.е. капиталистический, курс государства. Но и здесь можно отметить ряд ее темпоральных точек, зафиксировавших качественные изменения прежней социально-экономической и политической системы. К ним можно отнести 1994 год (принятие новой конституции) и 1996 год (принятие конституции с существенными поправками и изменениями). Как это отразилось на философии?

Советская философия являлась важнейшим сегментом надстройки, служила одним из инструментов сохранения той политической системы. Поскольку «сверху» решалась задача перевода страны на новую политическую систему, то, естественно, для нее прежняя философия была не пригодной. На смену ей должна была прийти новая философия. Философским фундаментом советской политической системы был исторический материализм с его формационным учением. Его-то, по замыслу архитекторов «перестройки», и следовало в первую очередь заменить новым философским учением, выстроенным, по указанию А.Н. Яковлева, секретаря ЦК КПСС, на платформе цивилизационной концепции.

Что представлял собой исторический материализм, который в спешном порядке ликвидировали? Исторический материализм был не просто философским направлением. Он являлся теоретической базой построения нового типа общества, т.е. всей советской системы.

Кроме того, это был теоретико-методологический фундамент других социальных и гуманитарных дисциплин: на формационном учении как методологической основе выстраивались экономическая, историческая, правовая, социологическая и другие науки.

Исторический материализм в советской философии трактовался «в виде философской концепции исторического процесса», как «общая социологическая теория, наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономических формаций» [2, с. 228]. По сути, данная дисциплина была философией истории, хотя сам термин «философия истории» не использовался. Отчасти это было связано с тем, что им оперировали И. Гердер и в особенности Г. Гегель, разработавший специальный курс лекций по философии истории. И Гердер, и Гегель придерживались идеалистической трактовки человеческой истории – ее развитие связывали с развитием мирового духа. Идеалистическое направление в трактовке истории получило продолжение в европейской философской традиции XX века в разработках Р.Дж. Коллингвуда, Й. Бохеньского и др. Поэтому в советском обществоведении «философия истории» преподносилась как одно из идеалистических, т.е. ненаучных направлений западной философии. Исторический материализм раскрывал сущность социальности, движущие силы исторического процесса, его закономерности и т.д. на базе материалистического понимания истории. Он теоретически обосновывал возможность построения общества нового типа, в котором исключались превращенные формы социальности, в том числе главная из них – эксплуатации человека человеком.

Итак, специальность «Диалектический и исторический материализм» была упразднена еще в бытность СССР. «Правопреемницей» диалектического материализма в Беларуси и России стала «Онтология и теория познания» (на Украине – «Онтология, гносеология, феноменология» и «Диалектика и методология познания»), «правопреемницей» исторического материализма выступила специальность «Социальная философия» (на Украине – «Социальная философия и философия истории»). Вскоре возникла еще одна дисциплина в отрасли философских наук под названием «Религиоведение, философская антропология, философия культуры». Как видим, в названиях новых философских дисциплин, утвержденных в России и Беларуси, отсутствуют ключевые философские категории – «материализм» и «диалектика». Это понятно. В свое время в послесловии к первому тому «Капитала» К. Маркс отмечал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели...» [3, с. 22]. К. Маркс в данном случае имел в виду капиталистическую общественно-экономическую формацию. А СССР упорно разворачивали на этот губительный путь – то ли не осознавая его опасности, то ли созна-

тельно делали это, поскольку имеющиеся факты свидетельствовали о том, что атрибутивным свойством капиталистической системы являются периодические кризисы, что эта система не делает новых членов равноправными субъектами, не включает их в свое ядро (ортокапитализм), а использует лишь в качестве сырьевого придатка и рынка сбыта своей собственной продукции, т.е. превращает их в колонии.

Поскольку страна переводилась на капиталистический путь развития с изначальным прохождением самого жестокого для ее граждан этапа первоначального накопления капитала, методы которого, по определению К. Маркса, – «это все, что угодно, но только не идиллия» [3, с. 726], то диалектику, раскрывающую сущность капитализма, решили убрать и заменить ее тектологией А.А. Богданова, синергетикой и т.п. методологическими разработками, претендующими превзойти в методологическом плане диалектику, а на самом деле не способными объяснить ни исторический процесс, ни тем более изложить людям суть и последствия осуществляемых «сверху» социальных преобразований. Следует учесть и то, что на рубеже XX–XXI вв. ООН была запущена метафизическая по своей сущности программа «устойчивого развития», которая и сейчас еще пропагандируется и внедряется в общественное сознание, несмотря на постоянно совершающиеся социальные мировые кризисы, доказывающие ее несостоятельность. Естественно, что диалектическое мышление не могло бы согласиться с утопическими, антигуманными социальными проектами. Поэтому и с этой точки зрения необходимо было отказать диалектике (объективной и субъективной) в праве на существование. Ведь диалектика «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [3, с. 22]. В Киеве, правда, все-таки отстояли диалектику как философскую специальность, хотя и в несколько усеченной формулировке – в виде важнейшего структурного элемента методологии познавательного процесса. Украинских философов можно понять: у них была национальная школа в области диалектики и диалектической логики, у истоков которой стоял бывший директор института философии П.В. Копнин.

Причина изъятия категории «материализм» тоже понятна. Философский курс, как и политика, выстраивались на установке плюрализма мнений и идеологий. Из учебного курса был даже убран основной вопрос философии – тот вопрос, уяснение которого позволяло студентам понять реальную картину развития философской мысли и преимущества материалистической линии философии перед философией идеалистической. Именно на материалистической философии выстраивается научная картина мира. Но научная картина мира, как видим, не устраивала идеологов перестройки.

Примечательно то, что для решения задачи по созданию новой философской дисциплины об обществе не привлекались крупные специалисты, занимавшиеся в то время философскими проблемами социума

и исторического процесса, – В.Ж. Келле, Ю.К. Плетников, В.М. Межуев, В.И. Толстых, Р.И. Косолапов, Ю.И. Семенов и др. Причем, среди этих философов были и те, которых никак нельзя отнести к «ортодоксальным» марксистам, те, которые пытались не по-ученически, а творчески следовать за К. Марксом, т.е. так, как требовал классик относиться к его учению. Возможно, не пригласили этих философов в «перестроечную команду» в силу их компетентности, понимавших сущность «рыночной экономики», а в особенности сущность процесса первоначального накопления капитала с его масштабными социальными потрясениями и с огромными человеческими жертвами, что вскоре и подтвердилось на всем бывшем советском пространстве.

Вообще в те бурные, беспокойные дни в головах отдельных политиков возникала пролеткультовская идея ликвидации философии как таковой. Но, судя по всему, просчитав этот вариант, испугались последствий его реализации: в те годы функционировали институты философии в Академии наук СССР и Академии наук Украинской ССР, философская наука наряду с историей, правом, экономикой и социологией развивалась в академиях наук и других союзных республик. Помимо этого, в ведущих университетах страны имелись философские факультеты, а философские кафедры – во всех вузах СССР. Это тысячи специалистов – мощный социальный слой интеллектуалов. Ликвидация в одночасье всех учреждений могла привести к социальному взрыву. Решено было пойти иным путем – поставить себе на службу философов, переформатировав их мировоззрение. Именно для этого изменялись направления НИР в области философии и содержание программ учебных курсов по философии. Философию, в том числе только что созданную дисциплину «Социальную философию», отнесли к гуманитарным наукам и всячески пытались лишить ее научного статуса. Например, заложили идею валютности социальной философии, о чем подробнее будет сказано ниже. Понятно, что не один лишь А.Н. Яковлев работал над проектом постсоветской философии. Были у него помощники и консультанты.

В процессе разработки новой философской дисциплины, объектом исследования которой является непосредственно человеческая история, упор был сделан на цивилизационный подход, хотя уязвимость его была очевидной изначально. Дело в том, что М.С. Горбачёв ставил задачу «вхождения СССР в Европу», строительства совместно с Западом «общего дома». Он, видимо, полагал, что отказ от коммунистического проекта и перевод страны на рельсы рыночной экономики снимет главное противоречие той исторической эпохи – противоречие между капиталистическим и социалистическим блоками. Но цивилизационный проект формировал базу нового, не менее серьезного противоречия – противоречия между восточной и западной цивилизациями, о котором в свое время рассуждал Н.А. Данилевский, а позже

О. Шпенглер в работе «Закат Европы». Это противоречие во всей его полноте и негативных последствиях мы и наблюдаем в наши дни: идет ожесточенная, не прекращающаяся ни на один день борьба между Западом и Востоком, между Европой и Россией, между США и Китаем, между США и Латинской Америкой. Чем закончится эта борьба, пока не ясно: то ли победой одной из сторон, то ли гибелью цивилизации. Об этом и должны были бы рассуждать в наше время социальные философы. Но подобными вопросами занимаются в основном геополитики, правда, порой, без необходимой для этого серьезной философско-теоретической базы.

В.С. Степин ставил себе в заслугу то, что в процессе обсуждения с А.Н. Яковлевым проекта переформатирования советской философии отстоял идею сохранения своеобразного синтеза формационного и цивилизационного подходов «по принципу дополнительности в смысле Н. Бора» [1, с. 62], что в дальнейшем и было внедрено в вузовские учебные программы и учебники. Однако возглавив Институт философии АН СССР, он, по собственному признанию, стал развивать идею именно цивилизационного подхода. Философ отмечал: «Это было связано с определенным социальным заказом, потому что с 1989–1990 гг. начиналась критика марксизма и возникла идея, что формационному подходу надо противопоставить цивилизационный подход, который разрабатывался в основном на Западе. Критиковали марксистский формационный подход, говорили, что он ограничен и нужно перейти к анализу цивилизационного подхода и тогда, может быть, мы поймем многое в современной мировой истории» [1, с. 62]. Действительно, это был «социальный заказ». И критиковали формационный подход, учение К. Маркса, не советские, а европейские философы – К. Поппер и другие, а также русские эмигранты – Н.А. Бердяев и др. Именно их работы антимарксистского содержания, вышедшие на Западе еще в 1920–1940-х годах, в конце 1980-х годов активно переиздавались в СССР огромными тиражами, в том числе в типографиях ЦК КПСС. Можно напомнить известную серию «Из истории отечественной философской мысли», вышедшую как приложение к журналу «Вопросы философии», в рамках которой были изданы работы философов идеалистического направления, т.е. оппонентов материалистической философии. Отметим и то, что на Западе в то время не было никакого интереса к цивилизационному подходу. Западные философы, экономисты и политологи выстраивали свои концепции постиндустриального общества на базе формационного учения. Достаточно назвать получившую широкое распространение в мире работу Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество». Картину значительного влияния постиндустриальных теорий на общественное сознание раскрыл в своих публикациях директор Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцев [4].

И еще один заслуживающий внимания момент. Цивилизационный подход при всем уважительном

к нему отношения не в состоянии помочь нам понять «многое в современной мировой истории» [1, с. 62]. Конечно, он способен раскрыть причину жесткой агрессии США по отношению к современной России, несмотря на то, что та практически выполняет почти все предъявляемые к ней требования, причем в ущерб национальным интересам. Но цивилизационный подход не устанавливает истоки, сущность и последствия финансовых и экономических потрясений мирового сообщества, периодически охватывающих одновременно как Запад, так и Восток, вступивший на путь капитализма, в том числе Россию. А теория К. Маркса, т.е. формационное учение, дает этим социальным кризисам полное объяснение. В отличие от цивилизационного учения, опирающегося, главным образом, на сравнительный анализ духовных устоев народов, типологии их культур, формационное учение выстраивается на основе выявления сущности материальных основ общества, в данном случае – «экономической клеточки буржуазного общества» [3, с. 6], которая есть «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара» [3, с. 6]. Как указывал К. Маркс, «предметом моего исследования в настоящей работе [“Капитале”. – Т.А.], является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [3, с. 6]. Анализ «экономической клеточки» современного глобального капитализма, отношений обмена, способа производства в целом и позволяет раскрыть истинные причины нынешних социальных кризисов. Объяснение их природы каким-то «коронавирусом» есть либо плод иллюзорного воображения, либо специально заготовленный информационный вброс с целью манипулирования общественным сознанием. Не «коронавирус», а «экономическая клеточка» глобального капитализма порождает ежедневно сегодняшние социальные кризисы и потрясения. И не богдановская тектология, а диалектика позволяет постичь социальность в ее онтологической сущности, исторической динамике и современной модификации как базе потенциальных вызовов XXI века. Мы стали очевидцами такой картины: явного расхождения взятой на вооружение россиянами, вернее, российским истеблишментом, философской цивилизационной концепции и самой социальной практики, идущей в русле формационного учения – встраивания России в глобальную систему капитализма на условиях его ядра – в виде его сырьевого придатка и рынка сбыта продукции. Даже те политики, которые стояли у истоков «перестройки», убедились в губительности избранного страной экономического и политического курса. Как отмечает Г.А. Явлинский, восприятие России «все больше отражает ее нынешнее состояние пусть и весомой, но периферийной и сравнительно малозначимой части мирового хозяйства, чья роль, с одной стороны, сводится преимущественно к поставкам нефти и газа, некоторых других сырьевых продуктов, а также торговле “ширпотребом” ВПК и оказанию некоторых

транспортных услуг, а с другой – к потреблению товаров массового спроса» [5, с. 10].

Чтобы внедрить в программы НИР научно-исследовательских институтов и учебные программы вузов цивилизационный подход, требовалось тотально искоренить формационное учение, т.е. марксистскую философию, чем не преминуло заняться новое руководство Института философии АН СССР. Отдел исторического материализма, возглавлявшийся Ю.К. Плетниковым, сотрудники которого в 1981–1987 годах выполнили и опубликовали в трех томах фундаментальное исследование «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», а также сотрудники смежных структурных подразделений, подготовившие и издавшие в 1987 году монографию «Материалистическая диалектика как общая теория развития: диалектика общественного развития», были переориентированы на разработку цивилизационной идеи. Институт философии АН СССР задавал тон исследователям союзных республик. Схожие процессы, вслед за Москвой, имели место и в Минске. В частности, в Институте философии и права по указанию ЦК КПБ были упразднены структурное подразделение, занимавшееся критическим анализом западной философии и антикоммунистических философских течений, а также сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований. Был перепрофилирован сектор диалектического материализма и философских вопросов естествознания, возглавлявшийся академиком АН БССР Д.И. Широкановым, у истоков создания которого стояли академик АН СССР Г.Ф. Александров и член-корреспондент АН БССР Д.И. Степанов. В секторе в свое время работали известные специалисты в области диалектики, теории и методологии познания И.И. Жбанкова, М.А. Слемнев, А.И. Филюков и др. Сектор являлся основной базой подготовки высококвалифицированных специалистов для белорусских вузов.

По-разному вели себя советские философы в сложившейся ситуации. Большинство из них отказались от прежних своих взглядов, правда, не отказавшись при этом от советских вузовских, кандидатских и докторских дипломов – даже тех, в которых была зафиксирована специальность «Научный коммунизм», что свидетельствовало о конъюнктурности, мировоззренческой и идеологической неустойчивости многих лиц, избравших стезю философии. Так, например, поступил автор известной монографии «Формирование философии марксизма», переведенной на ряд иностранных языков. Другие немногочисленные философы отстаивали свои убеждения до конца жизни. Среди них назовем докторов наук Ю.К. Плетникова, Ю.И. Семенова, Р.И. Косолапова, в какой-то степени В.М. Межуева. Были случаи, когда на защиту марксистского учения вставали философы, ранее по своей специализации непосредственно не занимавшиеся исследованием марксистской теории. Как тут не назвать известного историка античной философии, доктора

философских наук, профессора Д.В. Джохадзе, создавшего фонд «Центр марксистских исследований» и на протяжении многих лет успешно руководившего им, хотя работать ученому приходилось не просто. На базе Института философии РАН сторонниками марксистской философии был организован ежемесячный теоретический семинар «Марксовские чтения».

В целом же с конца 1990-х годов на постсоветском пространстве стал доминировать цивилизационный подход. В какой-то мере именно он теоретически подпитывал межэтнические конфликты, которые исподволь формировались в тот исторический период, а вскоре бурно разразились практически на всем постсоветском пространстве. Хотя и в бытность СССР цивилизационный подход не способствовал единению советских наций. Поэтому в основу выстраивания межнациональных отношений был положен принцип равноправия и дружбы наций, принцип интернационализма. Национализм всегда вел этносы к противостоянию и конфронтации. Его эффективно использовали противники российского государства в качестве инструмента развала как Российской империи, так и СССР.

Безусловно, и цивилизационный подход в теоретической форме воспроизводит объективные социальные процессы, вследствие чего обладает когнитивным потенциалом, но формационная теория выглядит в теоретическом плане более фундаментальной, более системной. Повторюсь: в наши дни именно формационная, а не цивилизационная, объясняет природу столь часто происходящих в первой четверти XXI века финансовых и экономических кризисов. К сожалению, приходится констатировать тот бесспорный факт, что нынешнее поколение постсоветских философов имеет смутное представление о формационной теории, методе и принципах ее разработки в «Капитале» К. Марксом, хотя на Западе интерес к этому фундаментальному труду в последнее время резко возрос. Попытка же диалектического (именно диалектического) синтеза формационного и цивилизационного подходов к человеческой истории пока не увенчалась успехом. По-видимому, он и не случится.

Перейдем к вопросу о предмете, методах, исходной базе социальной философии как дисциплины. В 1990-е годы, в период формирования дисциплины «Социальная философия», определяющей идеологической установкой стала установка на «многообразие идеологий» и «плюрализм мнений». Кстати, данные идеи заложены и в конституциях отдельных постсоветских государств. По этой причине построение курса социальной философии осуществлялось не в виде целостного учения, а в виде изложения уже имеющихся разнообразных работ в области философии истории. В результате, как отметил в беседе со В.С. Степиным И.Т. Карсавин, «сегодня в этой области царит хаос: теории А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Данилевского сосуществуют с учениями Л. Февра, Ф. Броделя и М. Блока, с одной стороны, и с концепциями Ж. Батая, В. Райха, Ж. Делеза, с другой стороны; идеи Г. Риккерта, Р.Д. Кол-

лингвуда, Фукуямы, П. Бурдьё произвольно объединяются с представлениями, восходящими к И. Киреевскому, К. Леонтьеву, А. Хомякову, В. Соловьеву, Н. Бердяеву, Л. Франку» [1, с. 62]. Студенты и аспиранты получили возможность не только активнее приобщаться к мировому философскому наследию в области философии истории, но и взять за отправную точку (базу) своих научных исследований любое из имеющихся философских течений – выстраивать собственную концепцию то ли на базе идей М. Фуко, то ли на базе идей Ю. Хабермаса.

Хорошо это, или плохо? Не представляется возможным дать однозначную оценку такому подходу к обучению и научно-исследовательской деятельности. Есть как позитивы, так и негативы. Позитив заключается в том, что исследователь получил свободу теоретической деятельности. Не абсолютную, как некоторые полагают, а только относительную свободу, поскольку даже выдающийся исследователь порой не в состоянии выйти за рамки своей исторической эпохи. Ее дух в большей или меньшей степени влияет на мировоззренческую позицию исследователя. Еще Г. Гегель утверждал: «Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос» [6, с. 55]. Негатив же видится в том, что в этом случае создаются предпосылки несистемного исследования. Опытный эксперт нередко замечает в нынешних диссертациях и опубликованных работах причудливый синтез принципиально не соединяемых вещей – взаимоисключающих концепций. А ведь для диалектического синтеза двух вещей необходимо наличие чего-то общего у них, их объединяющего онтологического основания.

Советскую философию оценивали по-разному. Западные философы, правда, не все, давали ей, как правило, критическую оценку. Такую же, сугубо критическую, оценку давали советские философы западной философии. О каком-то синтезе двух типов философствования не могло быть и речи. В условиях острого противоборства двух социальных систем советским философам приходилось непосредственно участвовать в теоретическом и идеологическом обеспечении социалистической системы. Но такого же рода деятельностью – идеологическим обеспечением, правда, уже капиталистической системы занимались западные философы, в том числе известные. В «Письме моим русским читателям», предворяющем изданную в Москве в 1992 году книгу «Открытое общество и его враги» К. Поппер отмечал, что он является защитником буржуазного общества и противником марксизма. «Вывод, который мы должны из всего этого сделать, – продолжал он, – таков: нельзя позволить подобным идеологиям вновь овладеть нашими умами» [7, с. 486]. Он также объяснил читателям, с какой целью и по чьему заказу была создана эта книга [7, с. 486].

При всем этом советская философия была самобытным феноменом. Ее можно было критиковать, с ее идея-

ми можно было не соглашаться, но Западу не дано было не признавать само ее существование в виде самобытного философского течения. Более того, западные философы и особенно политики опасались усиливающегося влияния исторического материализма на общественное сознание, о чем поведал К. Поппер. Советские философы регулярно участвовали в международных философских конгрессах, выступали с пленарными докладами. А ведь советская философия просуществовала всего лишь каких-то 70 лет. Да и то неполных, учитывая период ее формирования и военные годы.

Дисциплина «Социальная философия» известна в постсоветских государствах уже 30 лет. Это большой срок. Но у нас нет оснований заявить о том, что она представляет собой особое философское течение, как это было с историческим материализмом. Безусловно, в рамках социальной философии осмысливаются отдельные важные проблемы – национальные отношения и т.п. Но важнейшие проблемы социума, как то: механизмы функционирования общества, перспективы общественного развития, причины современных социальных кризисов, пути достижения мира и согласия на земле, глобализационные процессы, этническая проблематика и др. – исследуются иными дисциплинами: политологией, социологией, глобалистикой. Социальная философия пока не обрела своего лица, в нынешнем виде она не способна выступать в качестве интегратора учений об обществе и тем более в качестве надежной теоретической базы государственного строительства на ближайшую и отдаленную перспективы. А ведь Глава нашего государства на Втором съезде ученых Беларуси перед гуманитариями ставил задачу «научиться предвидеть актуальные проблемы и процессы развития общества, помогать государству находить адекватные ответы на новые вызовы современности» [8]. Кому как не философам и, прежде всего, социальным философам решать эту непростую, но в то же время столь актуальную задачу.

Ведь и исторический материализм не стал надежной теоретической базой построения коммунистической формации. Это дискуссионное утверждение. Несомненно, были просчеты философов. Но контрреволюцию совершали не философы, а политики, которых не устраивала идея коммунизма с ее принципами равенства и справедливости. Философы саму возможность контрреволюции не отвергали. Более того, они предлагали конкретные меры по недопущению отрыва разного рода аппаратчиков от граждан. Конечно, нынешняя дисциплина «Социальная философия» не в состоянии решать те масштабные задачи, которые в свое время предписывалось выполнять историческому материализму. От нее этого и не требуют. Многие из тех функций исторического материализма сейчас переложены на политологию, социологию, глобалистику и другие социальные и гуманитарные науки. Но социальная философия не должна быть сторонним наблюдателем происходящих социальных процессов. Она обязана их осмысливать и со своей стороны ак-

тивно подключаться к разрешению проблемных ситуаций. Думается, перспективы и жизненность социальной философии будут зависеть от интеллектуальной работы самих философов, от того, насколько глубоко они своей теоретической мыслью будут раскрывать сущность социальных процессов, разрабатывать и предлагать обществу идеи, способствующие его практической гуманизации.

Все более становится очевидным, что дисциплина под названием «Социальная философия» требует своеобразного «переформатирования». До сих пор философы так и не пришли к согласию относительно ее объекта и предмета, а также ее методологических оснований и принципов. Все это негативно сказывается на когнитивном потенциале социальной философии и ее имидже. Не способствует имиджу социальной философии также заложенная в учебные программы и учебники типология социально-философского знания в виде трех *равноценных*, не взаимодополняющих, а фактически взаимоисключающих моделей – рефлексивной, валлоативной и постмодернистской [9, с. 253–255]. Социальная философия как «правопреемница» исторического материализма, казалось, должна была бы представлять собой предельно общую философскую теорию, раскрывающую сущность, движущие силы и направленность исторического процесса, т.е. выступать в качестве философии истории. Но предложенная типология, с одной стороны, нацеливает эту дисциплину, как отмечает К.Х. Момджян, на «научное познание», поиск ответов на проблемы, «совершенно необходимые для полноценного понимания социальной и антропной реальности», «доступные только философскому уму и недоступные нефилософской гуманитаристике, обществознанию в исторической науке» [9, с. 253], а с другой стороны, если исходить из валлоативной трактовки социальной философии, ее продуктом, опять же, по высказыванию К.Х. Момджяна, «являются не истинные *знания* о мире, а общезначимые *мнения* о нем» [9, с. 254]. Наконец, социальная философия предстает и как своеобразный тип мышления, превращающий «философию в некий синтез культурологии, искусствоведения и собственно искусства – искусства яркой и образной “мысли о смысле” с немалыми элементами интеллектуальной игры» [9, с. 256].

Что можно сказать по поводу предложенной типологии социальной философии и в особенности ее валлоативного типа? Вполне понятно, что философское осмысление истории в качестве одного из компонентов способно включать и «общезначимые мнения» [9 с. 254], оно в состоянии также давать адекватную ценностную оценку историческим событиям и т.п. Но, создавая подобную типологию «социального знания», мы тем самым делаем *семантически размытым само это понятие*. Об этом приходится говорить в силу того, что социальная философия в современном ее виде не только не выступает в качестве надежной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою главную функцию – не выступает

в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом.

В зарубежной философской и особенно в социологической мысли (на Западе именно социология претендует на осмысление исторического процесса) тоже нет единства: одни ученые ратуют за создание теории, способной дать более-менее полное знание об общественных процессах, другие – придерживаются прямо противоположной точки зрения, третьи – занимают промежуточную позицию. «Я вовсе не хочу сказать, – отмечает известный английский социолог Э. Гидденс, – что освещение, понимание и объяснение реальных причин и фундаментальных свойств человеческого поведения лежит за рамками целевого назначения социальной теории. Я полагаю, что задача установления и обоснования всеобъемлющих правил и принципов – специально не говорю “законов” – является только одним из ее приоритетов» [10 с. 3].

Каким видится выход из сложившейся ситуации? Думается, прежде всего, требуется уточнение предмета и объекта исследования социальной философии – ее паспорта. В качестве проблемного поля этой специальности должны быть более весомо представлены вопросы, связанные с раскрытием механизма функционирования общества на разных ступенях его развития, дальнейшей разработкой логико-методологических оснований постижения социальности, раскрытием роли социальной философии в моделировании и прогнозировании социально-антропологических процессов в Беларуси и мировом сообществе. Представляется нужным внести корректировку и в само название специальности. Название «философия истории» более адекватно отражало бы ее специфику и тот круг проблемных вопросов, исследованием которых должны заниматься ученые в области философского осмысления человеческой истории. Нынешняя философская дисциплина, именуемая социальной философией, и по предмету, и по своему содержанию должна быть не чем иным, как, выражаясь словами Гегеля, «философской всемирной историей» [11, с. 57], исключаяющей какие-либо «априорные вымыслы в истории» [11, с. 65]. Но для этого необходимо, чтобы социальная философия как дисциплина обладала апробированной теорией и методологией социального познания. Таковой пока нет – идет достаточно затянувшийся процесс ее поисков.

Рассчитывать социальной философии на те условия, в которых существовал исторический материализм, не приходится. Функцию исторического материализма стали выполнять политология и социология, глобалистика. Данным дисциплинам порой не хватает должной теоретической базы. Эту базу и должна разрабатывать социальная философия. То есть ей необходимо помогать политологам и анализировать сущее (происходящее) в контексте целостного исторического процесса, руководствуясь опытом прошлых эпох и прогнозированием человеческой истории на перспективу. В таком случае возможен диалектический синтез разработок политологов, социологов, экономистов, глобалистов и социальных фи-

лософов. Пока же ученые работают порознь, каждый из них думает лишь о том, как позиционировать собственное «Я». И это негативно сказывается как на развитии общества, так и на развитии самих социальных дисциплин.

На наш взгляд, «Социальная философия» (если мы не откажемся от этого термина) – *составная часть философии, которая представляет собой предельно общую теорию исторического процесса, исследует сущность, направленность, движущие силы, закономерности и методы его познания.*

Заключение. Социальная философия для решения этой задачи использует систему философских методов и категорий, а также теоретические наработки в области истории, социологии, политологии, политической экономики и других социальных наук, выступая в качестве интегратора различных социальных наук. Ее будущее будет определяться отношением к ней государственных структур и, несомненно, нашим отношением к ней. Захотим ли мы сделать ее строгой наукой, способной познавать социальное бытие, своевременно улавливать тенденции и закономерности его развития и тем самым предвосхищать своими исследованиями будущее человечества, или же сделаем ее теоретически бесполезным дискурсом на разные житейские темы.

Литература

1. Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью с академиком РАН В.С. Степиным ведет член-корреспондент РАН И.Т. Касавин // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 16–71.
2. Ильичев, Л.Ф. Исторический материализм / Л.Ф. Ильичев // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 228–231.
3. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
4. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Akademia, 1999. – 640 с.
5. Явлинский, Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия / Г.А. Явлинский. – М.: «Московские ведомости», 2015. – 264 с.
6. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
7. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
8. Выступление Лукашенко на II Съезде ученых Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-lukashenko-na-ii-sjezde-uchenyh-belarusi-280351-2017/>. – Дата доступа: 18.12.2017.
9. Момджян, К.Х. О кризисе фрагментации в современной философии / К.Х. Момджян // Этнос, нации, ценности: социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М.: «Канон+» РООИ «РЕАБИЛИТАЦИЯ», 2015. – С. 251–261.
10. Гидденс, Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академ. проект, 2005. – 525 с.
11. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель / пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 2005. – 479 с.

Поступила в редакцию 23.03.2020